

Спустя мгновение со стороны главных ворот послышались шаги. Я поднял взгляд: ко мне спешил тот самый солдат, которому я отдал подвеску, а рядом с ним шел мужчина с типичной внешностью ученого мужа. Завидев меня, незнакомец не сумел скрыть мимолетного удивления, но быстро взял себя в руки. Он приблизился и, вежливо сложив руки в приветственном жесте, спросил:

— Эта нефритовая подвеска принадлежит вам?

— Мне, — я ответил коротким кивком.

— Прошу вас, господин, следуйте за мной.

Его тон стал заметно более почтительным. Он отвесил еще один поклон и развернулся, приглашая войти. Однако я остался на месте, лишь слегка нахмурившись. Заметив, что я не иду следом, мужчина остановился и вопросительно оглянулся. Я перевел взгляд на Минчжу. Ученый тут же все понял — спохватившись, он немедленно распорядился, чтобы моего спутника устроили на отдых.

Я едва заметно улыбнулся:

— Благодарю за заботу.

— Пустяки. Прошу вас, — он жестом указал дорогу, и мы вошли на территорию лагеря.

— Позвольте узнать ваше почтенное имя? — осведомился он по пути.

— Хань Сяо.

— Так вы господин Хань. Должно быть, дорога была не из легких, вы наверняка утомились.

— Терпимо. Кстати, в моей повозке есть редкие лекарственные травы. Думаю, в армии найдется лекарь? Лучше поскорее пристроить их в надежное место.

Вспомнив о наставлениях учителя, я решил не медлить с передачей ценного груза.

— Вот как? Это просто замечательно! — мой спутник воодушевился. — Ванъе, прибывший несколько дней назад, тоже привез медикаменты, но лишними они точно не будут. Я сейчас же пошлю за военным врачом.

Он подозвал одного из подчиненных и отдал необходимые распоряжения.

«Ванъе?» — мысленно повторил я. Значит, в лагерь прибыл кто-то из принцев? Любопытно, кто именно. Судя по всему, положение дел на фронте куда серьезнее, чем я предполагал.

— Ах да, господин Хань, позвольте представиться: меня зовут Шангуань Юй. Я военный советник генерала Ланя. Можете называть меня просто по имени, — мужчина обернулся и указал на просторный шатер, над которым развевалось знамя с иероглифом «Лань». — Нам сюда.

Как только мы подошли ближе, изнутри донесся чистый, мелодичный, но преисполненный

властности голос:

—...Все мы встревожены, но паника — плохой советчик. Нельзя позволять себе слабость и вносить сумятицу в собственные ряды, иначе мы сами поднесем государству Чжао победу на блюде. Пусть каждый занимается своим делом. Порядок — вот наше главное оружие.

— Но послушайте, сколько дней уже прошло! — перебил другой голос, грубый и раскатистый. В нем слышалось неприкрытое безрассудство и отчаяние. — Генералу ничуть не лучше, он тает на глазах...

Шангуань Юй, шедший впереди меня, недовольно поморщился и пробормотал под нос:

— Опять этот Дэн Чжоуи... Разорвется на весь лагерь, смерти моей хочет.

Я промолчал, лишь мельком взглянул на советника. Тот обернулся ко мне:

— Господин Хань, заходим.

Внутри шатра воздух казался густым и неподвижным, насквозь пропитанным терпким, горьковатым запахом трав. В центре на главном месте сидел молодой человек в легком белом одеянии. Глядя на него, я невольно вспоминал строки о тех, чья душа прозрачна, как осенние воды, а стан выточен из драгоценного нефрита. Его красота стояла вне пола и привычных канонов, она ослепляла своей утонченностью.

Сбоку послышался короткий возглас изумления. Я повернул голову и увидел коренастого воина в доспехах. Широко расставленные глаза, густые вздернутые брови — судя по всему, это и был тот самый Дэн Чжоуи, о котором говорил советник. Человек прямой и, по-видимому, не склонный к интригам.

— Вы не Упрямый лекарь. Откуда у вас эта вещь?

Я снова посмотрел на человека в центре. Тот слегка нахмурился, не сводя с меня испытующего взгляда. На столе перед ним лежала моя нефритовая подвеска.

— Ваша правда, я не он, — спокойно ответил я. — Упрямый лекарь — мой наставник.

Я не отводил глаз, изучая собеседника. Судя по голосу, именно он говорил первым. Глава династии Цинъюнь прислал четырех принцев, и этот человек, судя по всему, был одним из них. Принц Юйжуй? Шангуань Юй упоминал, что в лагере находится Ванъе, а среди всех наследников именно Се Исюнь славился своей выдающейся внешностью.

— Почему же сам мастер не явился? — принц слегка прищурился.

— Второй наставник занемог и не смог пуститься в путь. Потому он поручил мне прибыть вместо него.

Он долго и пристально смотрел на меня, словно взвешивая каждое мое слово на весах истины. Наконец, он произнес:

— Что ж... ученик такого мастера должен быть искусен в своем деле. Господин Хань Сяо, верно? Путь ваш был долг, а солнце уже клонится к закату. Может, стоит сначала отдохнуть, а осмотром больного заняться завтра?

Я посмотрел на него с удивлением. Откуда ему известно мое имя? Впрочем, сейчас это было неважно.

— Нет, — коротко отрезал я после секундного раздумья. — Жизнь человека не ждет. Позвольте мне осмотреть больного немедленно.

— В таком случае, прошу за мной.

Принц поднялся и жестом пригласил меня пройти за массивную ширму, украшенную резьбой в виде гор.

Там, на просторном ложе, лежал мужчина лет двадцати восьми. Его лицо пылало нездоровым румянцем, брови были мучительно сдвинуты к переносице — казалось, даже в забытьи он страдает от невыносимой боли. Подле него суетились двое, обтирая холодный пот с его лба. Завидев нас, они тут же выпрямились и склонились в поклоне.

— Это императорский лекарь Лай и военный лекарь Ван, — ровным тоном представил их принц.

Я обменялся с ними краткими приветствиями и тут же переключил все внимание на пациента. Теперь мне стало ясно, почему в письме наставнику ситуация была описана так туманно. Болезнь генерала Лань Цзюя следовало держать в строжайшей тайне. Если слухи о его немощи поползут по лагерю, боевой дух армии рухнет, и государство Чжао не упустит случая нанести сокрушительный удар.

Я опустился на табурет у постели и взял левое запястье генерала. Спустя мгновение я невольно нахмурился. Пульс был странным, с едва уловимым, коварным изъёмом. Я осторожно приподнял веко больного, осмотрел зрачок, а затем, погруженный в раздумья, переложил пальцы на его правую руку. В шатре воцарилась такая тишина, что было слышно лишь тяжелое, сбивчивое дыхание больного. Напряжение, казалось, можно было потрогать рукой.

Уложив руку генерала обратно под одеяло, я поднялся и сделал несколько шагов, сопоставляя факты. Картина начала проясняться, но мне требовались детали.

— Как давно он в таком состоянии? — спросил я, обернувшись.

— Уже больше двадцати дней, — ответил Шангуань Юй.

— Слишком долго, — пробормотал я и снова посмотрел на советника. — Расскажите подробно, как все начиналось.

Шангуань Юй на мгновение замялся, его лицо приняло странное выражение.

— Дайте припомнить... В тот день воины Чжао бесчинствовали перед нашими стенами, осыпая нас проклятиями. Генерал вышел, чтобы принять вызов. Эти подлецы... они не могли

одолеть его в честном бою и заманили в ловушку — в какой-то магический строй. Генералу удалось вырваться и вернуться в лагерь, он отделался лишь легкой царапиной. Но той же ночью у него начался кашель. Сперва мы решили, что он просто простудился на ветру. Врачи дали ему отвар, и на следующий день кашель прошел. Однако на пятые сутки внезапно начался сильнейший жар. Лекарства не помогали, обтирания снегом — тоже. Генерал, упрямец, продолжал работать через силу, наотрез отказываясь от отдыха. А на седьмой день он просто потерял сознание. С тех пор в себя не приходил. Когда прибыл принц Юйжуй с врачом Лаем, тот решил, что это тяжелая форма тифа. Но сколько они его ни поили снадобьями, толку никакого.

Шангуань Юй бросил гневный взгляд на врача Лая. Тот вспыхнул, явно задетый за живое, но промолчал, лишь ниже опустил голову.

Я слушал, заложив руки за спину.

— Значит, сперва был кашель? Что именно произошло до этого? Было ли что-то еще необычное?

— Тот бой... — Шангуань Юй нахмурился. — Это было в конце прошлого месяца. Ровно двадцать четыре дня назад. Всё началось именно тогда.

<http://bllate.org/book/17518/1721996>